

БАШКИРЫ И РОССИЯ В XVIII В.¹

I. Южноуральские оборонительные линии

В начале XVII в. границы русской колонизации едва достигали южных отрогов Урала. Территория севернее Яика (сейчас эта река называется Урал) была заселена башкирами, исповедующими ислам. Основными занятиями их являлись: на севере – сбор меда и охота, на юге – полукочевое коневодство и разведение верблюдов. Земли, по которым кочевали башкиры, простирались за Яик, а на Илеке, его левом притоке, они граничили с казахскими ордами. Последние располагались между нижним течением Яика и верховьями Тобола. Торговые караваны, связывавшие Российскую империю и Туркестан, проходили через Казахстан, что создавало определенные неудобства, связанные, в основном, с необходимостью выплаты пошлины кочевникам. Башкиры, формально находившиеся со второй половины XVI в. под протекторатом русского царя, всячески стремились к свободе. Русская политика в этих регионах тогда была незамысловата: она состояла в том, чтобы столкнуть между собой башкир и казахов, а также посеять вражду между различными племенами. Здешние тюркские народы имели единую религию, но этого было недостаточно для создания их стабильных союзов; кочевое общество покоилось на принципе безусловного подчинения своим лидерам, соперничество которых облегчало русскому правительству задачу разобщения кочевников. В целом русскую политику на этой окраине Европы можно охарактеризовать как хрупкое балансирование, строившееся на сложной дипломатической игре и преследовавшее быстро достижимые и конкретные задачи.

Но к концу царствования Петра Великого, когда были разработаны обширные проекты, касавшиеся судьбы мусульманских народов региона, ситуация здесь стала меняться. Я разделяю мнение тех, кто считает, что именно Петр Великий заложил основы организации пограничной области на Южном Урале. То, что степь, отделяющая Туркестан от Поволжья, в первой половине XVIII в. неожиданно приобрела столь большое значение для России,

объясняется началом промышленного освоения Урала. Индустриализация вызвала заселение уральского региона большими массами населения и в силу принудительного труда, введенного для крестьян владельцами металлургических предприятий, привела к бегству русских переселенцев на юг. Это, в свою очередь, породило колонизацию башкирских земель. В итоге у России возникла необходимость установления контроля над башкирами и, особенно, предотвращение возникновения союза мусульманских народов. Это можно было сделать путем строительства вдоль среднего течения Яика оборонительной линии, которая отделила бы башкир от казахов. Ссылаясь на необходимость защиты башкир от их же единоверцев, русское правительство планировало «так единожды усмирить» башкирский народ, «чтоб впредь к замешаниям никакой искры от них не осталось»² и припугнуть казахские орды с помощью строительства в Северном Казахстане небольших, но сильных крепостей. Однако Россия преследовала не только оборонительные цели: она также стремилась проложить подконтрольный себе путь через казахские степи для развития регулярных отношений с Туркестаном и Индией. Таким образом, строительство Яицкой укрепленной линии свидетельствовало о том, что теперь Россия обратила взор на Азию.

Безвременная кончина в 1725 г. не позволила Петру Великому реализовать эти планы. Их принялись осуществлять его соратники и единомышленники – Кирилов³ и Татищев⁴. В 1730 г. Россия вела трудные переговоры с ханом казахской Малой Орды, который просил защиты у русских от своих соседей – джунгар. Два казахских представителя были с широким размахом приняты в Санкт-Петербурге и вернулись в Орду в 1731 г. Для заключения договора с казахами царское правительство послало мурзу (татарского князя), известного у русских под именем Тевкелева, который служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Он стал пытаться создать в Орде пророссийскую группировку и всячески расхваливал коммерческие выгоды от российского протектората и строительства города на Яике. Удача улыбнулась Тевкелеву в тот самый момент, когда русское правительство, потерявшее с ним связь, посчитало, что посланника взяли в заложники (планировалось даже обменять его на нескольких казахских предводителей, предусмотрительно задержанных в Санкт-Петербурге). В январе 1733 г. Тевкелев, сопровождаемый

ханским сыном и несколькими казахскими старшинами, прибыл в Уфу. Старшины держали путь в Санкт-Петербург, чтобы подтвердить свое согласие на строительство города при слиянии Яика и Ори. Именно тогда на исторической арене появился Кирилов – высокопоставленный государственный чиновник и горячий сторонник этого проекта. Он представил в Сенат доклад, в котором подчеркнул, что хотя казахи и являются «легкомысленным» народом, но их земли – это ключи от азиатских стран. Он красочно расписал торговлю, которая якобы без промедления установится у России с ханствами Средней Азии и Индией после принятия его предложений. Проект был утвержден императрицей 1 мая 1734 г. и его исполнение было поручено Кирилову, в помощники которому дали Тевкелева. 10 июня 1734 г. Россия подписала договор с казахами о принятии ими русского подданства. Дипломатический успех миссии Тевкелева превзошел все ожидания.

* * *

15 июня 1734 г. Кирилов выехал из Санкт-Петербурга и 10 ноября прибыл в Уфу. Он привез подробные инструкции, заключавшие в себе грандиозные планы русского правительства: речь в них шла не только о строительстве города и организации торговли, но и о поиске здесь рудных месторождений, отношениях с подвластными народами, и, наконец, строительстве пристани на Аральском море. Вот почему в состав экспедиции, отправленной на строительство города, который предполагалось назвать Оренбургом, вошли и офицеры морского флота.

Кирилов, завершив в Уфе все приготовления, в марте 1735 г. перебрался во временный лагерь в 10 верстах от нее, где стал дожидаться прибытия драгунской роты. Но, по-видимому, он не подозревал о грозящей ему опасности и решил выступить без подкрепления. Направившись к устью Ори, он столкнулся с башкирскими партизанами. Заранее предупрежденные о проектах Кирилова казахами, башкиры попытались сорвать их реализацию. Лишь в августе Кирилову удалось пересечь Башкирию: ему пришлось прокладывать себе дорогу силой. 6 августа 1735 г. его экспедиция, без конца подвергавшаяся вооруженным нападениям и лишенная снабжения вследствие уничтожения башкирами вспомогательной колонны, с большим трудом прибыла в место назначения. Здесь Кирилов 15 августа торжественно

основал город-крепость Оренбург. На первых порах существование нового населенного пункта было нелегким – с севера его отрезало от остального мира восстание башкир, которое усмирили только в 1740 г. С Казанью и Екатеринбургом, откуда посылались продовольствие и боеприпасы, сообщение было плохим настолько, что во время суровой зимы 1735-1736 гг. часть оренбургского гарнизона (около 800 человек), измученная голодом, пошла в Сакмару. Более 500 человек погибли в пути, а у 80 оставшихся в живых оказались обмороженными конечности. В 1736 г., находясь в Санкт-Петербурге, Кирилов предложил предоставить новому городу ряд торговых привилегий, в частности, освобождение от налога на шесть лет. В тот же год началось строительство крепостей между Самарой и Оренбургом, с одной стороны, и вдоль верхнего течения Яика, от Оренбурга до Верхне-Уральска, – с другой. Однако 14 апреля 1737 г. Кирилов умер. Его преемником стал Татищев.

Оренбург еще дважды переносили вдоль по Яику. Татищев нашел его расположение неудачным и предложил построить новый город в 180 верстах вниз по течению. В 1739 г. Татищева сменил Урусов, которому на основании указа от 20 августа 1739 г. было поручено перенести Оренбург в урочище Красная Гора (Красногорская). Первый Оренбург называли Орском, а 1 августа 1740 г. основали второй Оренбург, но едва начав его строить, остановились: новый начальник края Неплюев⁵, назначенный на эту должность в начале 1742 г., представил в Сенат доклад, в котором, указав на недостатки выбранного места, предложил опять перенести город на 70 верст вниз по течению. Здесь, во исполнение указа от 15 октября 1742 г., заложили третий Оренбург. Та тщательность, с которой подыскивали место для главного пункта Яицкой оборонительной линии, свидетельствовали о его военной и торговой важности. Последнее месторасположение, ставшее окончательным, имело целый ряд преимуществ: оно славилось плодородием окрестных земель (теперь город мог сам обеспечивать себя продовольствием), близостью к устью Самары (по ней в край доставляли строительные материалы, камень и лес), а также соседством с рекой Илек (вдоль нее круглый год кочевали казахи, приходившие торговать в Оренбург)⁶.

Надежно защищенный полигоном из 10 бастионов, Оренбург уже в 1747 г. имел около 900 домов, 4 церкви и около 200 лавок. В 1762 г. посетивший этот город П.И.Рычков

насчитал в нем около 3000 домов⁷. Оренбург являлся в то время местом ссылки и центром оживленной торговли между русскими и кочевниками. П.С.Паллас, который побывал там 1-3 июля 1769 г., оставил красочное и подробное описание оренбургской торговли: «Самые важные азиатскими народами покупаемые товары суть всякия шерстяныя материи, красной и малиновой бархат, пестреть, полотно, юфть, медные и чугунные котлы и посуда, которые вещи по большей части привозят с дальних сибирских заводов; также всякия жестяныя и железныя вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки и всякая к их одеянию и к конскому убору потребная мелочь, которую покупают киргизцы⁸ сверх того еще всякия красильныя материи, а особливо брусковая краска, крутик, червец, квасцы и купорос; также сахар и некоторые мехи, а наипаче бобры и куницы выменивают бухарцы на свой товар. Киргизцы еще берут у российских купцов много худой выбойки и другой материи из хлопчатой бумаги, которую россияне выменивают у бухарцев. [...].

Главнейшие товары, которые променивают приходящие караванами азиатские купцы на вышеписанныя российские вещи, суть следующие: золото, серебро, по большей части в персицких монетах и в индейских⁹ рупиях состоящее, да и самое песошное золото, также лазоревой камень, сердолик и другие драгоценные камни; множество простой и пряденной хлопчатой бумаги разной доброты, при том же довольно тканых бумажных материй и китаек; тонкие индейские и посредственные ситцы и полушелковые материи; готовые халаты разной доброты; серыя и черныя курчавыя бухарские мерлушки, которыя дорого покупают; мехи диких кошек двоякого рода, *манул* и *пулан* называемых, также тигровыя кожи и проч. Иногда бухарцы привозили самородную, но несколько с землею смешанную селитру, которая родится в ямах, и при том в таких местах их земли, где были старинные города или кладбища. Шелк по сие время привозят только в небольшом количестве, также очень мало хороших индейских товаров... [...].

Еще должно упомянуть о бухарских мелочных, особливо до натуральной истории касающихся товарах, а именно: бухарцы привозят иногда разные свои плоды, как то например сушеныя абрикосы, персики и мелкой весьма приятной изюм, *кишмиш* называемый, в котором либо совсем нет зерен или есть уже самая большия косточки. Орехи, *чинар* называемые, которые собирают они с буковаго дерева

особливого рода. Порядочное червяное семя, *дармика* называемое, которое они получают из Индии и бросают в вырытые каналы в садах для истребления червей, а напоследок привозят иногда семена тамошних арбузов, дынь и бухарского пшена, *джугари* называемого.

Хотя бы многие учрежденные мануфактуры находились в цветущем состоянии, однако никакая ветвь бухарского торгу не может быть важнее и прибыточнее Российскому государству, как привоз не деланных материй. Торг шелком поныне еще не приведен в совершенство. Другая не деланная материя, которую бы можно не токмо употреблять в дело с великою пользою в государстве, но и отпускать в иностранные земли, есть верблюжья шерсть, которую ныне покупают у киргизцов и калмыков в немалом количестве... [...].

Кроме оной конечно немаловажной ветви есть еще особливой торг с киргизцами, то есть промен скота. Почти ежегодно выменивают в Оренбурге у онаго степнаго народа от 40 до 60 тысяч баранов на десять тысяч лошадей и гоняют в Россию. Но поныне по большей части бьют баранов в Оренбурге и в других городах на Волге и только топленое сало с немалою прибылью развозят в гавани сего государства, откуда оно отпускается в чужестранные земли под именем российского сала... [...].

Опрочь множества крупнаго и мелкаго скота привозят киргизцы и простые мехи для промену, как то например степных волков, кои шерстью худы, но легки; степных лисиц, *караган* называемых, коих шерсть цветом походит на волчью и такая же лисицы водятся в Калмыцкой степи; особливаго рода малые лисицы, *корсаки* называемыя, которые водятся в гористых степных местах; дикия кошки и множество мерлушек, которыя бывают еще лучше калмыцких и почитаются за главной товар в меховом торгу. Еще выменивают у киргизцов всякие войлоки и шерстяные ковры, *кошмы* называемые, которые они делают сами разной доброты и при том еще нарочито пестрые и красивые. [...].

Еще должен я упомянуть, что башкирцы и калмыки держат немало верблюдов и в Оренбург продают бухарцам, которые отъезжают в свою землю обыкновенно с тяжелым обозом, нежели приходят в Оренбург с легкими товарами. Напротив того они променивают охотно малых своих ослов, которые им в пути служили, но мало находится к тому охотников по той причине, что в России еще нет ослиных

заводов, да и не начинали разводить лошадей, которые особенно пригодны в походах»¹⁰.

Паллас сожалел о том, что Оренбург был только местом торговли, или, точнее, контакта народов, и не имел своей промышленности. Находясь под защитой оренбургского гарнизона, купцы со всех окраин Российской империи ежегодно встречали там караваны из Туркестана. Торговлю вели чаще всего в форме натурального обмена. Местный торг не велся из-за отсутствия собственной торговой буржуазии. Оренбург – это одновременно и символ политического могущества империи, вызывающий уважение у «подзащитных» народов, и одна из двух дверей, через которые проходит торговля России со Средней Азией.

* * *

Неужели имелась еще одна дверь? Да, действительно, Оренбург был не единственными воротами России в Азию. У него имелся конкурент, расположенный примерно в 400 км на северо-восток, при слиянии рек Уй и Увелька – это Троицкая крепость, основной опорный пункт второй укрепленной линии, которая шла от Верхне-Уральской крепости, и, проходя прямо с запада на восток вдоль реки Уй, заканчивалась при впадении Уя в Тобол. Строительство этой второй линии шло одновременно с завершением первой Неплюевым в 1743 г.; Троицкую линию сотворил этот же человек, которого не всегда ценили современники. Неплюев, давший сильный толчок развитию Оренбурга, основанием Троицкой крепости прорубил вторую дверь в Туркестан. Впрочем, у Троицкой крепости не было иметь такой же замечательной судьбы, как у Оренбурга. Укрепленная линия, протянувшаяся через степь на восток, находилась на самой окраине России; ее постройка фактически способствовала заселению региона. Но русские редко заезжали в эти глухие места – в 1745 г. торговать с казаками приехало всего лишь 2 русских купца. Для того чтобы развить там активную торговлю, нужно было предоставить новому населенному пункту значительные торговые привилегии¹¹. После этого Троицкая крепость на какое-то время обошла Оренбург: многие русские купцы предпочитали ехать туда, потому что казахи соседней Средней Орды были богаче и продавали лучших лошадей. Но развитие торговли пострадало от обострения отношений с этой Ордой в 1768 г. Когда 17-18 августа 1770 г. Паллас посетил Троицкую, торговля там была в упадке. Весной 1770 г.

отряд регулярных войск и казаков был послан через степь к Ишиму, чтобы добиться от казахов разрешения на проход туркестанских караванов, но казахи, напуганные военной мощью русских и не желавшие заключать с ними договор, ушли на юг. Степь все еще продолжала оставаться для России источником опасности.

В Оренбург преимущественно приезжали бухарские купцы, а в Троицкую крепость – торговцы из Ташкента. Паллас так описывает те предметы, которые они привозили с собой на продажу: «Товары, караванами привозимые, суть: сырая и пряденая бумага, шерсть, толстой и тонкой бумажной холст или чалдар, различной доброты и ширины выбойки, между коих превозходнее ташкентския, а индейския редки; полушелковые полосатые и травчетыя материи, и из оных сшитые халаты, бумажные и полушелковые поясы, бумажные набивные завесы, убрусы и рубашки, худаго разбору бархаты, кудрявые и пламистыя мерлушки, цитварное семя и несколько сушеных плодов. Попадается иногда китайское серебро, также бухарския и персидския золотыя деньги. Отпускаемые отсель товары суть: различной доброты красные и малиновые сукна; иностранной бархат, яйцкие камлоты или тонкой армяк, среднего разбору пушной товар, яко то: бельи брюшковые и хребтовые мехи, лисьи, корсаковы, заичьи и выхухольи, а на опушку – выдры и бобровые; российския черныя и красныя юфти, из мелочи: железные замки, иглы, булавки, всякие бисеры, болоболки, зеркала, сученой разнога цвету шелк, сахар, бумага, красильные составы, а именно: квасцы, купорос, кошениль, бразильское дерево, брусковая краска; белилы, простая бумага и проч.»¹².

Что касается торговли русских с казахами Средней Орды, то в Троицкой крепости она была хотя и менее оживленной, но более прибыльной, чем в Оренбурге. Процитирую еще раз Палласа: «...гораздо важнее и прибыточнее мена с киргиз-кайсаками Средня орды, ибо они в торговле еще не столь проворны, как приезжающие в Оренбург для обмена киргизцы Меньшей орды; лошади же и прочий их скот лучше, почему внутренние купцы и имеют в сей торговле выигрыш, а киргиской скот в Троицкой дешевле, чем в Оренбурге. Здешняя орда богата рогатым скотом и между приводимым в обмен онаго множеством попадаются быки превозходной величины и доброты, да и лошади здешния больше и крепче, хотя оне дики и необузданнее получаемых из Малой орды, а овцы и козы почти равны породой и

свойством. Сверх того киргизцы на продажу привозят мехи волчьи, красные лисьи, караганские и корсачьи¹³; также мехи мерлушечьи, овечьи и яловичьи, верблюжьи войлоки и одежду, большие войлоки и бурки или епанчи, шубы из жеребьих кож, шерстяные и волосяные канаты и прочия сего рода вещи.

Для виду, сколь далеко простираются прихоти и роскоши сих кочевых народов и в чем они имеют нужду, сообщаю я здесь расписание всех товаров и мелочей, внутренними купцами им весьма дорого промениваемых и за кои они кроме скота и пушного товару выменивают иногда и китайское серебро. Ордою сею за скот получаемые товары суть: красныя и малиновыя от самого лучшаго до наихудшаго разбора сукна, яицкие камлоты лучшей доброты от киргизских, каламенки¹⁴, белой и синей холст, на салфетки и полотенцы полотно, китайка, китайское и иностранной бархат, старые и новые шелковыми и полушелковыми материями покрытые меха, беличьи, лапковые, лисьи и прочие хорошие лисьи, выдровые и бобровые мехи на опушку шапок, тонкие шелковые платки, пестрый холст для платков, бумажные и шелковые астраханские поясы, юфти и сафьяны, различные женские приборы, косы, кисти, нагрудники, битыя жестянки, стекляныя прониски, бисеры, жемчуг, улитки, змейными головами называемые, зеркала, гребешки, бритвы, иглы, булавки, шелк для шитья, белилы и румяны, также различная литая и кованая железная рухлядь, котлы, треножники, таганы, цепи, конские уборы, замки, капканы, топоры, ножи, ножницы, огнива, пряжки медныя, железныя и оловяныя пуговицы, ливеры, игольники, табакирки, трубки, табачные роги, медь в кусках и досках, и олово, железные проволоки, нечто из оловянной посуды, деревянные крашеные и простые стаканы, блюда, маленькие сундуки, материалы, к крашенью надобные: квасцы, купорос, сера, красной воск, сургуч, смола; крупы, ржаной и пшеничный хлеб, простой чай, сено и пр. Все товары большей частию внутрь государства производимые, кои продавая дорогою ценою, делают сию киргизскую торговлю немаловажною»¹⁵.

Таким образом, несмотря на непростые отношения с казахскими ордами, строительство двух укрепленных линий с центрами соответственно в Оренбурге и Троицкой крепости позволило иметь достаточно стабильную торговлю с кочевниками и Туркестаном. Конечно, проект Петра Великого не удалось реализовать полностью: восстание башкир в 1735

г. и проблемы, возникшие при основании Оренбурга, заставили Кирилова и его преемников отказаться от идеи строительства пристани на Аральском море. Но даже частичная реализация петровского плана создала мощный оборонительный рубеж, который хорошо зарекомендовал себя во время пугачевского восстания в 1773-1774 гг. Бунтовщики, а это были первоначально яицкие казаки, к которым позже присоединились башкиры, безуспешно обстреливали в течение более 5 месяцев (5 октября 1773 – 29 марта 1774 г.) бастионы Оренбурга. Первоначально его губернатор Рейнсдорп не осознавал грозившей городу опасности. Когда 20 сентября 1773 г. один из казаков принес в Оренбург весть, что Пугачев взял Илецкий городок¹⁶, расположенный в нескольких сотнях километров на юг и был там с радостью принят населением, губернатор не придавал этому особого значения. Только на следующий день, получив во время бала официальное известие о приближении Пугачева, Рейнсдорп проявил первые признаки озабоченности. Оборонительные сооружения Оренбурга были в плачевном состоянии – долгий период мира усыпил бдительность губернаторов: через рвы, местами засыпанные песком и землей, могли было свободно проехать на лошади и даже на телеге, а земляных стен было больше, чем каменных. Несмотря на срочно предпринятые Рейнсдорпом меры, повстанцы могли бы запросто взять Оренбург, если бы у Пугачева было достаточно сил. Но город все же оказался способным сдержать атаки самозванца. Занимая ключевую позицию в охваченной восстанием Башкирии, своим сопротивлением он помешал Пугачеву захватить Урал.

Троицкой крепости повезло меньше: в 1774 г. ее сразу же взяли пугачевцы. Но она была расположена слишком далеко от мест восстания, чтобы иметь для Пугачева стратегическое значение. Именно падение Оренбурга должно было решить судьбу Яицкой и Уйской линий. Поэтому успешное сопротивление оренбуржцев стало одной из двух причин (вторая будет рассмотрена ниже) поражения Пугачева. Творение «птенцов гнезда Петрова» полностью выполнило свое предназначение.

II. Башкиры и промышленное освоение Урала

Развитие металлургической промышленности на Урале, начиная с эпохи Петра Великого, было тесно связано с

географическими условиями местности: здешние заводы строились в лесной глуши, население которой в начале XVIII в. состояло из небольшого числа русских переселенцев и значительной массы враждебно настроенных местных жителей – остяков, вогулов и особенно башкир. Строительство горных заводов, таким образом, шло одновременно с покорением этих народов: будучи первой в этом регионе да к тому же привнесенной извне промышленностью, уральская металлургия встретила на своем пути сопротивление местного населения, и прежде всего башкир, весьма многочисленных и достаточно сплоченных для того чтобы в течение долгого времени сдерживать как индустриализацию, так и русскую колонизацию.

Недавние работы венгерского профессора Дьюлы Немета, использованные Владимиром Минорским¹⁷, доказывают, что башкиры являются народом мадьярского происхождения, тюркизировавшимся в процессе своих миграций между Кавказом и Волгой в X в. Сосуществование двух этнических элементов, венгерского и тюркского (из них второй, менее многочисленный, в конечном итоге ассимилировал первый), объясняет изначальное использование двух терминов для обозначения башкирского народа: «башгирд» (другие формы: «башкурт», «башгард», «бажгард», «баджгард») и «мойджер» (ср. «мадьяр»), – названия, которые арабские средневековые источники обычно путают. В конечном итоге башкиры обосновались на западных и южных склонах Урала и на равнинах, непосредственно окаймляющих Урал с юго-запада и юга – путешественники XIII в. называли эту территорию «Великая Венгрия». Физическое сходство башкир и венгров таково, что во время русско-венгерской войны 1849 г. уральские казаки называли венгров «башкирами»¹⁸. Сегодня Башкирия – автономная республика, а в начале XX в. ее территория включала часть Оренбургской и Уфимской губерний, слегка входила в пределы Самарской губернии на западе и Пермской и Вятской – на севере. Она тогда еще не была, как сейчас, административной единицей, и пришлое население в ней не составляло в то время большинства. Современные границы Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики позволяют приблизительно представить очертания территории, на которой проживали башкиры в начале XVIII в.

Башкирия состоит из лесной зоны на севере и степной – на юге. Оседлые лесные башкиры жили пчеловодством и

охотой; более многочисленные южные занимались разведением скота – это были полукочевники, зимой жившие в ауле, а весной уходившие в степь. Согласно Палласу, к 1770 г. можно было встретить башкир, имевших 2000-4000 лошадей, но уже тогда в южных районах полукочевое скотоводство постепенно сменялось земледелием. Кроме того, башкиры занимались ремеслами, благодаря которым они обеспечивали себя сельскохозяйственными орудиями труда и холодным оружием. Объединенные в роды и племена под предводительством старшин, они не имели единого правителя, но один раз в год собирались на общее собрание своих представителей, которое принимало важные решения, касающиеся всего народа, и, в частности, определяло политику по отношению к русским, казахам и калмыкам. Общее собрание, игравшее главную роль в процессе подготовки к восстаниям, не позволяло России покорить башкирский народ¹⁹.

Невозможно точно установить численность башкир при Петре Великом. К 1760 г. ее оценивали в 100000 душ обоего пола; следовательно, можно предположить, что башкирский народ состоял тогда из приблизительно 500000 человек²⁰. В 1874 г. эта цифра увеличилась примерно до 760000 человек, из которых более 400000 проживали только в одной Уфимской губернии²¹.

Кроме башкир на Среднем Урале имелись две такие неравнозначные народности, как мишари и тептяри, ныне растворившиеся в башкирах. Мишари, поздно пришедшие на Урал, ранее проживали на левом берегу Дона и в среднем бассейне Оки. После взятия Казани русскими в 1552 г. они пришли в Уфимскую и Оренбургскую губернии, где смешались с башкирами; будучи финского происхождения, они преимущественно расселялись в Екатеринбургском и Челябинском уездах. Что касается тептярей, принадлежащих к тюркам, то они были или отдельным народом или остатком какого-то древнего этноса, потерявшие свою индивидуальность: даже свой язык они заимствовали у башкир, внося в него некоторые изменения; тептяри проживали на территории Оренбургского уезда. Мишари и тептяри сыграли важную роль в истории Урала вовсе не из-за своей этнической самобытности и не из-за численности своего населения (в конце XIX в. в уральском регионе насчитывалось всего лишь 300000 тептярей и 80000 мишарей по сравнению с почти 1000000 башкир, примерно такое же соотношение

вероятно было и в прошлом²²), а в связи с тем, что мишари и тептяри были на Урале поздними пришельцами, оседлыми и очень часто селившимися на башкирских землях в качестве земледельцев. Таким образом, в среде башкир имелись ненадежные, если не сказать враждебные элементы, – в частности, мишари, презираемые башкирами, всегда активно участвовали в подавлении антирусских башкирских восстаний.

Башкиры попали в зависимость от царя после взятия Казани, то есть во второй половине XVI в. Но в течение долгого времени они почти не ощущали тяжесть русского гнета, имея статус, близкий к служилым людям. Свою обязанность платить ясак натурой (лисы, мед) или деньгами, они могли заменить поставками России вооруженных всадников. Позже башкиры стали платить налог со «двора», который, впрочем, был минимальным (25 копеек)²³, но многие семьи, достаточно обеспеченные и, следовательно, имевшие возможность служить в русской армии, предпочитали именно последнее, превращавшее их в военное сословие, и – по отношению к своим соплеменникам, – в аристократию. До XVIII в. русская власть, тогда еще слабо представленная на Урале, была вполне удовлетворена достаточно вялыми отношениями с башкирами – своеобразным буфером между малочисленными русскими поселенцами, рассеянными на западных склонах Уральских гор, и казахскими/калмыцкими кочевьями за Яиком. Но при Петре Великом на Среднем Урале возникли первые металлургические заводы и в XVIII в. этот регион постепенно стал своеобразным арсеналом России. Все возраставшая русская колонизация шла на юг, и жажда рудных богатств Среднего Урала вынудила правительство пойти на коренное изменение статуса башкирского народа, который теперь стал частью экономики Российской империи. С этого времени башкиры стали бурно реагировать на свое постепенное покорение. До пугачевского бунта (1773-1774 гг.) произошло шесть башкирских восстаний. Фактически, Башкирия три четверти XVIII в. жила в состоянии перманентного восстания, в котором можно выделить три главных этапа.

* * *

Первое крупное восстание башкир в XVIII в. продолжалось в 1705-1730 гг. Главной его причиной являлась налоговая политика Петра Великого, который для покрытия растущих военных расходов увеличил финансовые поборы,

тяжким бременем легшие на русский народ и на нерусское население. Но фискальная политика Петра Великого сама по себе вряд ли привела бы к бунту, если бы не сопровождалась злоупотреблениями сборщиков налогов. Алчность воевод и их подчиненных не знала границ. Постоянное увеличение всяческого рода поборов, бывших уделом «прибыльщиков» Петра Великого, шло на руку администрации²⁴.

У башкир был и другой повод для недовольства. До сих пор их независимость не ставилась под вопрос, и представителей царя интересовала только уплата башкирами ясака. Но вот Петр Великий стал основывать на Урале горные заводы (этот процесс начался со строительства Невьянска в 1699 г.), которые требовали большого количества рабочих рук, поскольку плавка металла с использованием древесного топлива предполагала наличие артелей дровосеков, угольщиков, возчиков, которых здесь взять было негде. И тогда правительство заставило местных крестьян отрабатывать свои повинности работой на заводе. Так возникли крестьяне, целыми деревнями «приписанные» к тому или иному заводу. Введение принудительного труда сразу же вызвало бегство крестьян на свободные земли, лежащие далеко от завода. Однако бежать куда попало по бескрайним лесам было трудно: наличие абсолютно незаселенных районов и суровые зимы вынуждали людей следовать едиными путями, останавливаться в одних и тех же волостях, чтобы не потеряться. В основном крестьяне бежали на юг, на границу леса со степью, туда, где можно было жить и где они были недостижимыми для вездесущих воевод. Беглые попадали в Башкирию, где малочисленное нерусское население принимало их в то время достаточно спокойно. Но бегство заводских крестьян грозило сорвать индустриализацию Урала и поэтому правительство потребовало от башкир вернуть их обратно.

В 1707 г. поднялась вся Башкирия: Уфа, Бирск, Мензелинск были осаждены, а деревни вдоль Белой, Камы и Волги пылали огнем. Не сумев усмирить башкир путем обещаний, Петр Великий, занятый в то время войной со Швецией, дважды натравливал калмыков на Башкирию, предоставляя им возможность хорошенько пограбить повстанцев. Но это не погасило восстания. В 1720 г. пришлось вновь вести переговоры и обещать башкирам прощение в обмен на выдачу беглых. С июня 1720 по март 1722 г. башкиры выдали царской администрации около 20000 русских

крестьян (т.е. 5000 семей). Но башкиры по-прежнему не платили налоги, и к 1724 г. задолжали казне более 22000 руб. Однако русские переселенцы становились все многочисленнее, воеводы – еще наглее, и поэтому в 1728 г. башкиры пожаловались на них в Санкт-Петербург. Пока с башкирами обращались мягко: в 1729 г. Уфимскую провинцию отделили от Казанской губернии и подчинили непосредственно Сенату, башкирские просьбы удовлетворили, временно запретили вербовку рабочих и солдат на заводы.

Однако волнение не прекратилось, так как в стремительной индустриализации Среднего Урала, постепенно продвигавшейся на юг, башкиры увидели угрозу своей независимости. Демидов, владевший Невьянском с 1701 г., основал в регионе множество промышленных предприятий; русское правительство направило в 1720 г. Татищева, а в 1722 г. де Геннина²⁵ для реорганизации уже существующих горных заводов и постройки новых. Строительство предприятий и вызванное им увеличение масштабов принудительных работ привело к постепенному перемещению потока русской колонизации на юг, но теперь заводы не зависели от бегства приписных крестьян. Не проблема рабочей силы, а необходимость обеспечения собственной безопасности подтолкнула русское правительство покончить с самостоятельностью башкир. Уже при Петре Великом было задумано строительство стратегической линии вдоль Яика. Тогда речь шла не столько о защите первых уральских горных заводов, расположенных гораздо севернее, сколько об установлении барьера между башкирами, в течение уже полутора веков находившимися в сфере политического влияния России, и калмыцкими и казахскими кочевниками. Тем самым заметно предполагалось снизить возможность объединения мусульманских народов²⁶. Проект Петра был реализован в 1730-1740 гг. его сподвижниками и единомышленниками Кириловым и Татищевым. Одновременно с основанием Оренбурга Кирилов начал строительство медеплавильного завода рядом с Табынском в центре Башкирии²⁷. Таким образом, башкиры оказались окруженными с юга линией оборонительных сооружений по Яику, центром которой был Оренбург, а с севера – ежедневно усиливавшимся потоком русских людей в Башкирию. Таковы причины возникновения второго крупного восстания башкир в 1735-1740 гг., ставшего их ответом на

планы Кирилова. Восставшие так и не смогли помешать основанию первого Оренбурга (нынешний Орск) и строительству ряда укрепленных сооружений вдоль реки Урал. Однако их сопротивление заставило Кирилова закрыть металлургический завод вблизи Табынска, и вполне вероятно, вынудило правительство частично отказаться от грандиозного кириловского плана, предусматривавшего строительство пристани на Аральском море, т.е. далеко за пределами укрепленной линии²⁸.

Репрессии против башкирских повстанцев были очень суровыми: Тевкелев направил в Башкирию карательные отряды, сжигал деревни и отдавал башкирок в крепостные. Русских поддержали мишари и тептяри, которым по указу 1736 г. передавались земли повстанцев. Смерть Кирилова на некоторое время остановила террор, но его преемник Татищев, несмотря на смягчение репрессий, не смог полностью восстановить спокойствие к моменту своего отъезда из края в 1739 г. В ходе подавления восстания было уничтожено 16000 башкир, конфисковано у них 12000 лошадей, 6000 коров и овец, стерто с лица земли около 700 деревень. Усмирение башкир облегчило строительство горных заводов в южноуральском регионе. Правительство приняло суровые меры, дабы помешать возникновению нового восстания, но в то же время подтвердило права башкир на их земли; в ходе разгрома бунтовщиков многие территории обезлюдели и башкиры, хорошенько усмиренные войсками Тевкелева, были готовы продавать свои угодья заводам за бесценок.

В третий раз башкирский народ взялся за оружие в 1755 г., но, в отличие от предыдущих восстаний, это вышло за пределы Башкирии и явилось частью того волнения, которое охватило весь промышленный Урал и Казахстан. Разумеется, причины недовольства башкир были те же, что и раньше, в основном – наличие в крае русских войск, вызванное дальнейшим развитием русской колонизации и строительством новых горных заводов. Северные башкиры-пчеловоды были обеспокоены вырубкой их лесов, а у южных башкир в 1754 г. появился новый повод для раздражения: русское правительство, увеличив налоги и проводя политику интеграции региона в состав России, сравнявшую башкир с другими российскими подданными, отменило ясак. Взамен оно потребовало, чтобы соль, которую башкиры до сих пор добывали для себя бесплатно в районе Илецка, покупалась

ими отныне в казне по цене 35 коп. за пуд. Таким образом, башкиры фактически стали платить косвенный налог, превышавший по размеру прежний ясак. Тем не менее, нового восстания не ожидалось: экономическое положение башкир было лучше, чем у русских крестьян, да и память о разгроме движения в 1740 г. еще была жива среди них. И все же призывы муллы Батырши ужесточить соблюдение религиозных норм и создать антирусский союз мусульманских народов послужили толчком для того, чтобы башкиры, убежденные, как и Батырша, что вместе с ними поднимутся все турки России, которых поддержит Оттоманская империя, взяли за оружие. Идея создания единого мусульманского фронта против поработившего их православного государства в то время захватила всех. И это было не выступлением отчаявшихся одиночек, а действительно всеобщим восстанием, шансы на успех которого были достаточно велики.

Дело в том, что после 1750 г. индустриализация Урала приняла быстрые темпы; наряду со строительством многочисленных заводов обострились проблемы рабочих людей; все уральские горные заводы постепенно охватили волнения, зачастую выливавшиеся в захват предприятий, отказ приписных крестьян от работы и бегство работников. Налицо были все признаки кризиса социальной системы. В ряде случаев действия башкир совпадали с действиями приписных крестьян, ненавидевших угнетавшие их промышленные предприятия. Вняв призыву упомянутого муллы, башкиры сожгли медеплавильный завод графа Шувалова и уничтожили отряд драгун и казаков, посланный для его защиты. Однако в 1755 г. союз восставших башкир и уральских рабочих людей не сложился, так как ослепленные ненавистью, башкиры не видели разницы между заводами – пожирателями лесов, и русскими (переселенцами или беглыми), поселившимися в бывших башкирских угодьях. Разумеется, возникшие у правительства проблемы на Урале породили у мусульманских народов края реальную надежду на освобождение, но для того чтобы достичь успеха, последние должны были создать между собой крепкий союз, а его как раз и не получилось: оренбургский губернатор Неплюев сумел подкупить казахов и не допустить их объединения с башкирами. 50000 башкир, оттесненные правительственными войсками и перешедшие Яик в полном убеждении, что получат убежище у казахов, подверглись

нападению со стороны последних при поддержке калмыков; на севере башкир с тыла атаковали казаки, мишари и тептяри²⁹. Таким образом, восстание вновь закончилось поражением. Башкирам запретили переходить через Яик и беглецы под угрозой конфискации их земель вынуждены были возвратиться домой. Стена, окружавшая башкирский народ, становилась для него все более и более непроницаемой. Правительство, сознавая серьезность ситуации на Урале, стремилось урегулировать башкирскую проблему в первую очередь.

Но покорение башкир в действительности было формальным. Лишенные отныне возможности бороться самостоятельно, они в 1773 г. откликнулись на призыв Пугачева и обеспечили ему успех на Урале. Еще основатель Оренбурга Кирилов указывал, что башкиры могли быть опасными в случае, если среди них появлялся «умный вор», каким был Стенька Разин³⁰. Так и вышло – когда Пугачев приблизился к Оренбургу в конце сентября 1773 г., башкирские отряды, посланные против него, перешли на сторону восставших. Пугачев успешно распространил тогда свой знаменитый манифест, который должен был вызвать восстание всего башкирского народа. Этот документ даровал башкирам владение «землями, водами, лесами, домами, ручьями и рыбными ловлями, пашнями и покосами». Пугачев шел с отрядом из 1400 яицких и илецких казаков; башкиры тотчас же дали ему 5000 человек, то есть половину того, что самозванец имел на Урале. Своим успехом в этом регионе Пугачев почти исключительно был обязан башкирам: когда в июне 1774 г. он вновь двинулся на север, утратив башкирскую поддержку, он очень скоро потерпел поражение от правительственных войск. Восстание башкир на Урале сразу же оказалось направленным против горных заводов. Напротив, документы, позволяющие утверждать, что Пугачев стремился уничтожить промышленные предприятия, отсутствуют; Пугачев был заинтересован получать с заводов оружие, но башкиры, задавшись целью вернуть свои леса и земли, дали манифесту самозванца единственно выгодное для них толкование, а именно – призыв к уничтожению любых следов промышленности. Осенью 1773 г. уральские заводы запылали. В итоге башкирское восстание привело к разрушению 20 заводов, из которых 12 принадлежало могущественному оренбургскому заводчику Твердышеву, «пионеру металлургической промышленности в Башкирии»³¹;

это составляло почти половину металлургических предприятий Оренбургской губернии³². Башкирия, освобождаясь от русского владычества, возвращалась к своей традиционной экономике.

Ненависть башкир к горным заводам разделялась приписными крестьянами, которые тоже участвовали в восстании, но эта общность интересов не привела, однако, к союзу башкир и русских. Башкиры не только разрушали заводы; они нападали на русское население Башкирии, сжигали села, убивали мужчин, насиловали женщин, а остальных делали своими рабами³³. Восстание в Башкирии имело национальную окраску, носившую больше религиозный, чем социальный оттенок. Хотя башкирское повстанческое движение и обеспечило Пугачеву временный успех, привлечь все работное население Урала на сторону самозванца не удалось: учиненные башкирами погромы на заводах наводили страх на рабочих, чье существование зависело от функционирования предприятий; конечно, они хотели освободиться от своих хозяев, сделать жизнь получше, и поэтому были готовы поддержать Пугачева, но в то же время они не желали разрушать завод, который давал им средства к существованию. И в этом они совершенно отличались от приписных крестьян, единственным желанием которых было вернуться в свои деревни. Отсюда следует, что реакция рабочих не везде была одинаковой. Несколько горных заводов южной зоны, которым больше всего угрожали башкиры, подчинились Пугачеву, надеясь на его помощь. В конце 1773 г. Пугачев послал под Уфу одного из своих самых ближайших сподвижников – яицкого казака Зарубина, чтобы остановить мародерство башкир, и дал ему право вершить судьбы виновных. Тот попытался через своих людей успокоить русское население и пообещал восстановить разрушенные заводы. Но, несмотря на все усилия Пугачева, большинство уральских горных заводов было настроено к нему враждебно³⁴. Соппротивление работных людей опасности, отодвинувшей на второй план их социальные требования, стало основной причиной поражения Пугачева. Конечно, множество уральских рабочих участвовало в бунте, но это в основном были приписные крестьяне, у которых в далеких от этих мест деревнях были дома и земли. Собственно рабочие, то есть люди, непосредственно обслуживавшие домны, настоящие производители оружия, имели для Пугачева более важное значение, чем эти крестьяне, так как заводы, которые

в какой-то степени трудились на самозванца, поставляя ему вооружение, были немногочисленны.

* * *

Жестокое подавление этого восстания ознаменовало конец героической эпохи в истории башкирского народа, социальная и экономическая структура которого в XVIII в. подверглась глубоким изменениям. Башкирская аристократия, которая возглавляла восстания, была уничтожена (погиб каждый десятый), ее численность резко сократилась, полукочевой образ жизни, бывший раньше настоящей «роскошью»³⁵, стал отмирать. Постепенный переход башкир к оседлости сопровождался ухудшением их обнищанием. После бунта 1735-1740 гг. башкирам было запрещено изготавливать оружие и сельскохозяйственные орудия труда: это привело к упадку земледелия и вынуждало их либо ограничиваться своими традиционными занятиями, либо уходить на заводы, число которых в Башкирии постепенно росло. Одновременно шло ослабление межплеменных связей, башкирское общество теряло свою монолитность, в обнищавших деревнях только отдельные семьи выезжали еще на летовки, а оседлые башкиры шли на завод, становясь дровосеками, угольщиками, работными людьми. Занявшись новым для них видом деятельности, они стали для металлургии источником столь недостающих ей рабочих рук.

Но, однако, борясь 75 лет против русской колонизации и строительства горных заводов на своих землях, башкиры заставили заводладельцев превратить эти промышленные предприятия в настоящие крепости. Так были воздвигнуты заводы с толстыми стенами, с зарешеченными окнами, наполовину окруженные водоемами, которые не только обеспечивали навигацию на реках в период понижения уровня воды, а также давали цехам энергию, но и облегчали защиту, сокращая плацдарм для нападения. Именно на их основе возникли уральские города, подобно тому, как когда-то на Западе вокруг укрепленных замков образовались городские поселения³⁶.

Результатом этой долгой борьбы, которая тем не менее не смогла остановить ни покорения башкирского народа, ни индустриализацию Южного Урала, стало не только поражение башкир. Их сопротивление имело психологические последствия – направленное прежде всего против русских и косвенно против горных заводов, оно помешало социальным

движениям, потрясавшим Урал в XVIII в., набрать размах. Весьма характерна в этом отношении реакция уральских рабочих на приход Пугачева: несмотря на ненависть к своим хозяевам, не все рабочие поддерживали повстанцев, которые несли им свободу и власть над заводами. Таким образом, постоянное ожидание нападения башкир в XVIII в. облегчило заводладельцам защиту своих привилегий и затруднило процесс освобождения рабочих.

Париж, октябрь 1945 г.

¹ Portal R. Les Bachkirs et le gouvernement russe au XVIIIe siècle // Revue des études slaves. 1946. Т. XXII. Fasc. 1-4. P. 82-104. Перевод с французского Л. Ф. Сахибгареевой.

² Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. Январь-декабрь.

³ И. К. Кирилов (ум. 1737), о происхождении которого ничего неизвестно, был высокопоставленным должностным лицом в Сенате. Его увлечением была география (опубликовал «Атлас Российской империи»).

⁴ Как известно, В. Н. Татищев (1686-1750) был одной из интереснейших личностей XVIII в. в России. Отмечу также, что после блестящей военной карьеры он стал президентом Берг- и Мануфактур-коллегии. В 1720-1722 и в 1734-1737 гг. В. Н. Татищев руководил уральскими заводами. Подробнее о нем см.: Попов Н. Татищев и его время. М., 1861.

⁵ И. И. Неплюев (1693-1773) – выходец из семьи мелких помещиков. Выдвинутый Петром I за свои выдающиеся деловые качества и сделавший стремительную карьеру на флоте, он стал в 1720 г. «главным смотрителем и командиром над всеми морскими судами, строящимися в Петербурге». В 1721-1735 гг. он жил в Константинополе, а в 1739 г. был губернатором Киева. О Неплюеве см. прекрасную работу В. Н. Витевского «Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» (Казань, 1889-1897. Т. I-IV).

⁶ Семенов П. П. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье. С. 494-499.

⁷ Рычков П. И. Топография Оренбургская. С. 249.

⁸ Казахи (Прим. пер.).

⁹ Индийских (Прим. пер.).

¹⁰ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Т. I. С. 347-352.

¹¹ Семенов П. П. Указ. соч. С. 488.

¹² Паллас П. С. Указ. соч. СПб., 1786. Т. II. С. 381-382.

¹³ Корсаки – степные лисы.

¹⁴ Каламенка – лощеная с лицевой стороны ткань, преимущественно шерстяная.

¹⁵ Паллас П. С. Указ. соч. Т. II. С. 382-384.

¹⁶ Казачий поселок вблизи Илека, в месте, которое образовывало нечто вроде гласиса (насыпь перед укрепленной линией).

¹⁷ Hudud al-'Alam. P. 318-319.

¹⁸ Семенов П.П. Указ. соч. С.182-183.

¹⁹ Тхоржевский С. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1. С.93.

²⁰ Там же. С. 92.

²¹ Такие цифры приводит Камена д'Альмейда в своей статье «La colonisation russe dans le gouvernement d'Ufa et d'Orenburg» (Annales de géographie. 1899. Т.VIII. P.127).

²² Семенов П.П. Указ. соч. С.182-197.

²³ Тхоржевский С. Указ.соч. С.92-95.

²⁴ Прибыльщикам было разрешено вводить новые налоги и увеличивать таким образом доходы налоговой администрации.

²⁵ Де Геннин (1676-1750) – голландец, приглашенный в 1696 г. в Амстердаме на царскую службу в качестве инженера. Ему было поручено строительство пороховых и пушечных заводов; вскоре он становится управляющим всеми Олонецкими металлургическими заводами, а затем ему была доверена реорганизация заводов на Урале.

²⁶ Семенов П.П. Указ. соч. С.494.

²⁷ Тхоржевский С. Указ.соч. С.94-95.

²⁸ Семенов П.П. Указ. соч. С.496-497.

²⁹ Тхоржевский С. Указ. соч. С.93-95.

³⁰ Там же. С.96.

³¹ Там же. С.92-100.

³² Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т.I: Первобытная эпоха XVII и XVIII веков.

³³ Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII-XX вв. М., 1931.

³⁴ Там же. С.32.

³⁵ Семенов П. П. Указ. соч. С.186.

³⁶ Verstraete M. L'Oural: étude industrielle. Paris, 1899. P.32.